

ПАРИЖСКИЙ АРХИВ А. И. УРУСОВА

Статья Зин. Венгеровой

Широкое развитие франко-русских литературных взаимоотношений относится ко второй половине XIX в. и связано с именем И. С. Тургенева. Благодаря Тургеневу, прежний отвлеченный интерес к французской литературе в России, так же как интерес французов к русской литературе, заметно возрос и превратился в живую духовную связь. В лице Тургенева, впервые в истории литературы, великий писатель одной страны активно участвовал в созидании нового литературного движения в другой, был одним из признанных главарей литературной жизни в этой дружественной стране. Почти двадцатилетняя тесная дружба Тургенева с Флобером, от первой встречи в 1863 г. на одном из обедов Маньи и до самой смерти Флобера, посвященность Тургенева в многотрудную творческую работу Флобера, который читал ему свои произведения в далеко не законченных рукописях и внимательно прислушивался к его суждениям, их прославленные друзьями беседы наедине в Круассе, когда они, по словам Тургенева, «упивались литературой» («se soûlaient de littérature»), прямое участие Тургенева в создании и появлении в свет «Легенды о Юлиане Странноприимце»,—все это само по себе, как и дружеские отношения со всем флюберовским кругом, с Э. Гонкуром, Додэ и другими, и затем с младшим поколением натуралистической школы, Золя и Мопассаном, роднило Тургенева с литературной жизнью Франции. Помощь Тургенева, по инициативе которого Золя писал свои «Парижские письма» для «Вестника Европы», не только облегчила материальное положение этого молодого неимущего романиста, но и способствовала распространению идей натуралистической школы в самый трудный, воинствующий период ее развития. Идеюное понимание и активное дружеское содействие были щедрым вкладом Тургенева в отношения с французскими писателями, и это сделало «le bon moscove», как его называл Флобер, интимно «своим» в парижской писательской среде, где он и его близкие друзья составляли виднейшую передовую «группу пяти» (Флобер, Э. Гонкур, Додэ, Тургенев и Золя). Все французские собратья Тургенева по этой группе сохранили, как об этом свидетельствуют и знаменитый «Дневник» Гонкура и другие мемуарные материалы, память о личном обаянии Тургенева и о тонкости его литературных суждений, неотделимо слившихся с общим духом той литературной эпохи. Один только А. Додэ высказывался скептически о Тургеневе после его смерти, но и то потому, что был обижен резкими отзывами Тургенева о нем, сплетнически преданными гласности заведомым клеветником, нововременцем Павловским (Яковлевым) в его «Воспоминаниях». На этом основании и вдова Додэ в своих мемуарах («Autour d'un groupe littéraire») называет Тургенева «северным великаном с кошачьей улыбкой, изваянием из льда и снега его родины».

Откликом на близость и преданность Тургенева интересам современной ему французской литературы была готовность, с которой французские писатели воспринимали тургеневскую пропаганду произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, молодого Льва Толстого, как и всего лучшего в русской литературе.

Русский роман проник во Францию через Тургенева,—это то, что следует всегда помнить в истории франко-русских литературных взаимоотношений. Вот почему для французских писателей он с самого начала был не экзотикой, возбуждающей только любопытство снобов, а чем-то «своим», как и сам Тургенев, живой силой в развитии французской художественной литературы. Благодаря подготовительной работе Тургенева, русский роман естественно и просто привился во Франции в конце 80-х годов прошлого века, когда в роли как бы манифеста «русской идеи» появилась знаменитая книга М. де Вогюз о русском романе (1886 г.), когда огромный успех романа Бурже «Ученик» (1889 г.) санкционировал русское влияние на передовую французскую литературу, когда забеспокоилась шовинистская печать и «*Petit Journal*» с собратьями стал вышучивать увлечение «Достоевскими, Чайковскими, Машинскими и Бузинскими и другими главарями с фамилиями, кончающимися на „ский“», стал возмущаться тем, что всякое превосходство во Франции приписывается только русским, что «общим признанием пользуются только русские писатели».

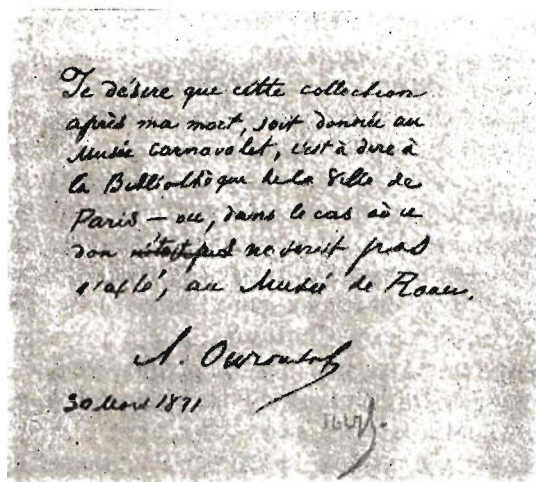
В связи с растущим интересом к литературной России, появилась тогда во Франции, как непосредственное наследие тургеневской подготовительной работы над созданием близких русско-французских литературных отношений, особая группа франко-русских писателей, преимущественно осевших во Франции русских выходцев. Они переводили и комментировали русских авторов, популяризировали русскую литературу, и хотя переводы их были далеко не образцовые, им были благодарны за насаждение во Франции хотя бы элементарных сведений о России, необходимых для понимания русских писателей. Это было еще далеко от позднейшего и, в особенности, от теперешнего времени твердой культурной франко-русской связи, когда произведения русских писателей переводятся французами, вполне владеющими русским языком, и о русской литературе пишут специализировавшиеся в этой области французские ученые.

Другим явлением, характерным для 90-х годов прошлого века, для этой «именинной» поры франко-русского культурного сближения, было необычайное увлечение со стороны русской интеллигенции новой французской литературой—как натуралистическим романом, возглавляемым Флобером, так и крайним эстетизмом французской лирики, которая вела начало от Бодлэра. Особенное положение среди представителей этой части русской интеллигенции занимает известный московский, а потом петербургский адвокат Александр Иванович Урусов.

Не будучи профессиональным писателем, занятый своей адвокатской и широкой общественной деятельностью, подвергавшийся репрессиям за свои либеральные взгляды и деятельность защитника в ряде крупных политических процессов, А. И. Урусов связан был с литературой русской близкими и дружескими отношениями с большинством современных ему писателей (Некрасов, Тургенев, Щедрин и др.), а с литературой французской своим преклонением перед Бодлэром и, особенно, Флобером. Он был значительно моложе Тургенева (А. И. Урусов родился в 1843 г. и умер

в 1900 г.), но продолжал тургеневские традиции взаимно содействующих и, тем самым, творческих франко-русских литературных отношений. Он не только сам изучал Флобера и способствовал ознакомлению с ним русских читателей, но считал как бы священным долгом содействовать по мере сил исследовательской работе, связанной с Флобером, в самой Франции и, тоже по мере сил, участвовал в литературной жизни Франции. Так как его французские выступления совпали по времени с большим оживлением франко-русской политической дружбы, то тем легче, успешнее и, так сказать, естественнее протекала его французская деятельность, напоминая кое в чем непосредственное участие Тургенева во французских литературных делах.

В чем же заключалась литературная деятельность А. И. Урусова, укрепившая за ним в России и во Франции репутацию «первого русского флюбериста»?

ДАРСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ УРУСОВА ОТ 30 МАРТА 1891 г.,
ЗАВЕЩАЮЩАЯ ЕГО КОЛЛЕКЦИЮ ДОКУМЕНТОВ О ФЛОБЕРЕ
БИБЛИОТЕКЕ г. ПАРИЖА
Музей Карнавале, Париж

Наиболее полное представление о литературных выступлениях Урусова в России дает посвященная его памяти статья в «Вестнике Европы» (сентябрь 1900 г.); автор статьи, по всем данным, — К. К. Арсеньев. «Вне судебной сферы, — читаем мы в этой статье, — интересы А. И. сосредоточивались преимущественно на французской литературе. Он преклонялся перед Флобером, любил Бодлэра, но, вместе с тем, высоко ценил великих писателей XVII в. Нам пришлось прослушать в небольшом кружке, лет 20 тому назад, его чтения о «Сиде» Корнеля, «Митридат» Расина и «Эдипе» Вольтера, и мы до сих пор хорошо помним, как горячо, живо и остроумно А. И. восставал против незаслуженного пренебрежения, с которым у нас принято относиться к «псевдо-классической» трагедии. Вообще, чтения А. И. по литературным вопросам были так же оригинальны, так же богаты содержанием и изящны по форме, как и его судебные защиты. Если бы адвокатская деятельность не поглощала его всецело, он был бы замечательным критиком и эссеистом».

К этим описаниям литературных чтений Урусова те, кто знали его, могут присоединить воспоминания о его выступлениях в прославленном «шекспировском обществе», где происходили литературные беседы и прения на литературные темы. Среди писательской публики, сходившейся на этих собраниях, выступала группа «писателей от адвокатуры»: знаменитый адвокат и ученый-юрист В. Д. Спасович—академист, поклонник классиков, затем эстет и лирик С. А. Андреевский и «флоберист» Урусов. Репутация «флобериста» за ним особенно твердо укрепилась с самого начала его литературных выступлений. На «шекспировских» вечерах и на других литературных собраниях Урусов знакомил с новейшими явлениями текущей французской литературной жизни. Он хорошо знал все слои литературного Парижа—и академиков и самых левых декадентов, и по поводу его выступления в одном литературном процессе французские газетные хроникеры причислили его к «иностранцам, которые верят в бульвар», т. е. в *esprit boulevardier*, в положительном смысле этого выражения, обозначающего не поверхностность суждений, а особый интеллектуализм, освобождающий всякое явление от власти случайных признаков умением метко определить это явление. Эта черта была свойственна самому Александру Ивановичу, который славился своим насмешливым умом, часто обращенным и на современную ему русскую действительность.

Страстью Урусова было собирание «перлов»—характерных, особенно удачных и неудачных выражений и изречений в печати, на суде и в жизни. Его записные книжки, которые он охотно показывал друзьям и знакомым, были полны такого анекдотического материала и напоминали флоберовский «сотизье» («sottisier»), эту «сокровищницу человеческой глупости», несомненно, послужившую Урусову образцом для его собственной коллекции.

Деятельность Урусова в русской печати далеко не отражает полностью его связи с литературой. Он вел театральный фельетон в газете «Порядок», помещал, под псевдонимом «Александр Иванов», статьи о литературе в разных журналах, но высказанная в статье «Вестника Европы» (сентябрь 1910 г.) надежда, что вместе с избранными речами А. И. Урусова будут изданы и лучшие его литературные этюды, как напечатанные, так и оставшиеся в рукописи, не оправдалась, и поэтому нет достаточной документации, подтверждающей его писательскую репутацию, в особенности прочно утвердившуюся за ним репутацию «флобериста».

Но, при недостаточности русской документации, имеется восполняющая ее документация французская—отзывы французских писателей, общественных деятелей и специалистов по Флоберу, вполне устанавливающие «флоберизм» Урусова. В результате литературной деятельности Урусова, во Франции имеются материалы, очень интересные и для характеристики Урусова, как писателя и историка литературы, и для истории франко-русских литературных отношений, так как они содержат и французские и русские документы по вопросу о Флобере и о всем, касающемся Флобера.

Эти материалы—архив А. И. Урусова («Collection Ourousof»), хранящийся в Париже, в библиотеке музея Карнавале (Musée Carnavalet). До сих пор этот архив не был известен русским исследователям, и в русской печати мы теперь впервые указываем на него. Во Франции же о составлении Урусовым этой коллекции были хорошо осведомлены лица, специально занимавшиеся и интересовавшиеся Флобером; к предприятию Урусова они относились с большим вниманием и сочувствием и высоко ценили специальные флоберовские знания Урусова.

Очень показательно в этом отношении письмо известного журналиста и писателя Луи Гандеракса, помещенное в номере газеты «Gil Blas» от 24 ноября 1890 г., посвященном открытию памятника Флоберу в Руане: «Вы запрашиваете меня относительно Флобера,—пишет Гандеракс, обращаясь к редактору газеты,—меня, француза, да еще в 1890 г. Почему бы лучше не запросить меня о Толстом? Я бы тогда, между прочим, упомянул о Флобере, чтобы с похвальным беспристрастием принести в жертву русскому натурализму натурализм французский. Но сегодня, конечно, вам не то нужно. Так обратитесь лучше к князю Урусову в Москву, Никольский пер., 15, Арбат. Этот настоящий русский лучше знаком с вашим Флобером, чем я. Он пишет историю его произведений, которая будет литературным памятником Флоберу».

Несмотря на несколько иронический тон по поводу эксцессов франко-русской дружбы того времени, Гандеракс относился очень сочувственно к флюберовским начинаниям самого Урусова. Повидимому, в этом флюберовском номере «Gil Blas» предполагалось поместить более точные сведения о задуманной Урусовым коллекции, но письмо Гандеракса заменило фактическую заметку лестной аттестацией самого коллекционера. В архиве Урусова сохранился набросок предполагавшейся статьи под заглавием: «Проект статьи для Жиль Блаза», интересный, как первая формулировка его замысла. Заметка написана по-французски, не от имени Урусова, но его почерком. Вот ее содержание:

«У Флобера, памятник которому только-что—наконец!—открыт в Руане, имеются верные поклонники не в одной только Нормандии и даже вдали от Франции. Нам об этом сообщают некоторые подробности, которые могут быть интересны для флюберистов всех стран. Один московский адвокат, князь А. Урусов, уже около десяти лет коллекционирует всё, что относится к Флоберу. Эта коллекция имеет следующие подразделения: 1. Произведения Флобера в разных изданиях, начиная с «Мадам Бовари» в двух томиках по франку в изд. Мишель Леви и до семи томов *pe varietur* Квантена. 2. Переводы и отзывы. 3. Иконография: портрет работы Каржа (Carjat), увеличение редкой карточки, изображающей Флобера стоя. Оригинал принадлежит принцессе Матильде. Другой портрет кабинетного формата Надара—лучший из портретов Флобера. Портрет-шарж Жиро (репродукция в журнале «Carricature»). Офорт Э. Липгарта. 4. Газетные статьи».

Впоследствии содержание коллекции обогатилось, во-первых, рукописным материалом—набросками статей и всяческими записями самого Урусова и ценными автографами его корреспондентов по вопросам, касающимся Флобера. С другой стороны, из собранной им иконографии многое исчезло. Но, как мы увидим далее, первоначальный план остался тем же, и позднейшие новые формулировки Урусовым своих заданий сходятся с этой первой.

Внимание, которое Урусов встретил к своей работе по Флоберу во Франции, укрепило его связь с современной ему французской литературой. Быть может, с наибольшей яркостью эта связь сказалась через год после открытия памятника Флоберу в любопытном инциденте выступления Урусова в качестве защитника в литературном процессе Блуа—Сар Пеладан. Творчество Леона Блуа и Жозефина Сара Пеладана, при несомненной талантливости их обоих, представляло собой в декадентстве конца XIX в. крайний элемент бредовой фантастики идеалистического порядка. Блуа был пламенный памфлетист, автор более 30 томов бунтарских сатир, на-

правленных против его современности, социальные противоречия которой он остро ощущал, и против большинства его современников, главным образом, против удачников в литературе и общественной жизни («Propos d'un entrepreneur de démolitions»). Он называл себя католиком, но бешенее всего нападал на официальную католическую церковь и считал своей миссией ее уничтожение («не все еще мертвецы свезены на кладбища», — говорил он о священниках); в политике он держался консервативных взглядов, но при этом ненавидел «буржуазную корку» общества, под которой не видно, как несправедливо распределены места в жизни и как в тюрьмы попадают преимущественно поэты и люди беспомощные.

Интеллектуальное бунтарство Блуа было как раз тем, что привлекло на его сторону Урусова, когда он взял на себя защиту памфлетиста против на шумевшего в то время своими романами и скандалами «мага» Жозефина Пеладана, присвоившего себе фантастический восточный титул «сара», главным образом, для рекламы серии своих философских романов («Décadence latine»), которые представляли собой смесь иступленного католицизма и мистицизма с весьма явной порнографией. В лице Блуа Урусов отстаивал свободу художественного творчества, хотя бы даже разнузданного по форме, но искреннего.

Дело возникло из-за напечатанного в мае 1891 г. в «La France» письма Сара Пеладана с нападками на Л. Блуа за то, что тот не пустил его к умиравшему Барбэ д'Ореви́льи, или, как он высокопарно выразился в письме, «кулачным боем преградил к нему путь» («d'avoir barré de pugilat») старейшим его друзьям и священнику, пришедшему его исповедать. Барбэ д'Ореви́льи, автор «Les Diaboliques», был большой художник слова, романтик высокого стиля, увлекавший блеском фантазии и оригинальностью замыслов. Он умер 80-ти лет (в 1889 г.) и в конце своей жизни, из своего рода литературного дэнди́зма, вместе с представителями младшего поколения декадентов, интересовался оккультизмом и другими течениями того же рода. Поэтому Барбэ д'Ореви́льи покровительствовал Пеладану и дружил с Блуа, который преклонялся только перед ним одним из всех писателей того времени и считал его своим идейным вдохновителем. Вся распря между Блуа и Пеладаном была вызвана, главным образом, стремлением Пеладана овладеть исключительным расположением д'Ореви́льи и вытеснить Блуа.

На выпад Пеладана Блуа ответил в главном органе декадентов, в журнале «La Plume» (см. номер от 15 мая 1891 г.), письмом на имя редактора журнала, Л. Дешана; в этом письме он обличал во лжи, клевете и, главным образом, в грубой рекламности Пеладана, этого, как он его называет, «тротуарного ассирийца», и каялся, что сам «выдумал» Пеладана, сжалившись над явившимся к нему «молодчиком из Нима, без имени и без сапог», сочинил ему смехотворный титул «сара», которым тот ловко воспользовался, и познакомил его с Барбэ д'Ореви́льи. А д'Ореви́льи, по своей доброте, облагодетельствовал этого «шута», написав предисловие к его роману «Vice suprême», и потом не знал, как отделаться от его приставаний.

По главному пункту нападков Пеладана Блуа презрительно заявил, что вытолкал «этого шакала в лиловом пиджаке» из дома больного Барбэ д'Ореви́льи, и при этом грозил разоблачить, что Пеладан убил д'Ореви́льи тем, что неожиданно привел к его постели священника. Слово «убил» «assassiné» было неосторожно употреблено в письме. Оно дало повод Пеладану, любителю рекламных процессов, привлечь Блуа и редактора

«La Plume» к судебной ответственности и предъявить им иск в 25000 франков за диффамацию.

Выступив защитником Блуа, Урусов перенес процесс из области писательского скандала в область литературы. Самая тяжба двух «фантазистов» была ничтожная, тем более, что хотя речь шла об «assassinat», но ни одна сторона ни малейшего преступления не совершала, и дело сводилось к словесной несдержанности, к живописной ругани, часто совершенно непередаваемой. Но все это было типично для литературных нравов, открывало закулисную жизнь некоторых крайних спиритуалистических течений в декадентстве и, вместе с тем, было освещено именем большого писателя, Барбэ д'Оревиля, из-за которого возник процесс. Создавалась атмосфера литературного события, и Урусов выказал большое чутье, построив защиту на литературной критике, обличая порнографический характер мистических романов Пеладана, издеваясь над его «окультуренными силами», обладанием которыми всегда похвалялся Пеладан: «Уж если быть «саром», т. е. существом, обладающим верховным могуществом, — говорил Урусов, — то следует заколдовывать своих противников, а не тащить их в суд». Дело Урусов выиграл: «магу» отказали в иске и возложили на него судебные издержки. «Неизвестно, — писала газета «Temps», вторя шуточному тону Урусова, — что уготовит Сару Пеладану божественное правосудие, но правосудие земное не оказалось благосклонным к нему».

Выступление Урусова было сенсацией, главным образом, из-за литературного характера процесса. Зал исправительного суда был переполнен представителями французской адвокатуры, интеллигенции, которая чувствовала в Урусове не только адвоката, но человека близкого литературе. Знаменитый адвокат Лабори, будущий защитник Дрейфуса, представляя Урусова суду, как иностранного собрата, превознес его «высокие каче-

*Vous m'interrogez sur Flaubert,
moi, Français, en 1890; ne pouvant pas,
Monsieur, m'interroger sur Tolstoï? Je pourrais
de Flaubert, incidentalement, pour insinuer au
naturalisme russe, avec une belle impartialité,
le naturalisme français.*

*Mais aujourd'hui, sans doute, ce
n'est pas cela que vous demandez... Adressez-
vous donc au P^e Oursat (15 rue de la Harpe,
Paris), ce Russe authentique
et bien renseigné par moi sur votre homme:
il s'agit une histoire de ses ouvrages, qui sera
un monument littéraire. Il me disait, l'autre
jour, que Tolstoï avait appris beaucoup
en lisant Flaubert, — mais pas encore assez!*

Louis Ganderax

Paris, le 23 novembre 1890.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЛУИ ГАНДЕРАКСА ОТ
23 НОЯБРЯ 1890 Г. К РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ
„GIL BLAS“, С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ УРУСОВА,
КАК „ФЛОБЕРИСТА“

Музей Карнавал, Париж

ства» и напомнил о его «культе Флобера» (*«l'homme distingué qui a fait de Flaubert le culte de sa vie»*). Пресса отметила «сжатость и убедительность» его речи, произнесенной на чистейшем французском языке, без иностранного акцента, и украшенной блестками тонкого юмора. Журнал «La Plume», в номере от 15 ноября (1891 г.), напечатал портрет Урусова, дал точный отчет о всем деле и всячески превозносил таланты Урусова.

Свои активные литературные взаимоотношения с Францией Урусов сосредоточил на работе по Флоберу, о которой, как мы видели выше, в печать все чаще проникали и общие и более подробные сведения. Завершающим в этом отношении сообщением о предприятии Урусова явился включенный им в архив фельетон близкого друга Флобера, Шарля Лапьера, редактора «Le Nouvelliste de Rouen», из «Journal des Débats» от 4 июля 1893 г., под заглавием: «Г. Флобер по его письмам». Фельетон заканчивался словами: «Флобер был предметом серьезного изучения не только во Франции,—пламенные его поклонники имеются и за границей. Один из них, князь Урусов, живя в Москве, вот уже пять лет собирает всё, что относится к личной жизни Флобера и к его произведениям. Выжав сок из собранного материала, он передаст свои «досье» библиотеке города Парижа во дворце Карнавале».

А. И. Урусов выполнил свои намерения, о которых заранее оповещал своих литературных французских друзей, в свою очередь, широко разгласивших его планы. Если теперь зайти в Париже в старинную уютную библиотеку Musée Carnavalet на улице Савиньи и потребовать неизданные «материалы по Флоберу», то вместо ожидаемых рукописей какого-нибудь из флюберовских романов, которые имеются в главных книгохранилищах Франции, вам принесут и поставят на стол большие картонные ящики зеленого цвета, каждый с надписью крупными буквами: «Collection Ourousof» I, II, III и так до VI. Эту коллекцию, очевидно, считают достаточно ценной, чтобы заполнить собой в библиотеке рубрику рукописных и неиспользованных печатных материалов по Флоберу.

Когда урусовская коллекция поступила в библиотеку Musée Carnavalet и кем была туда передана, теперешний библиотекарь не знает, но внешний вид материалов, в особенности рукописных, обнаруживает некоторую небрежность при укладке в ящики: алфавитный порядок во многих случаях нарушен, металлические стержни, укрепляющие карточки, сломаны, карточки оторваны и свалены в кучки. Зато в полном порядке сохранились большие коллекции газетных вырезок по разным вопросам, касающимся Флобера.

Коллекции материалов предшествуют некоторые разъяснения, написанные Урусовым и точно определяющие его задания и технику их выполнения. В первом же ящике имеется дарственная запись по-французски: «Я желаю, чтобы после моей смерти эта коллекция была передана в Musée Carnavalet, т. е. в библиотеку города Парижа или, в случае, если там ее не примут, то в руанский музей». Следуют подпись—«А. Урусов» и дата: «30 марта 1891 г.». Отметим, между прочим, что это завещание написано даже не на отдельном листе, а на внутренней стороне оторванной половины какого-то переплета, служащего перегородкой между двумя связками материалов, и ввиду этого надпись Урусова легко может остаться незамеченной.

Но, делая дарственную надпись на «перегородке», Урусов, очевидно, еще не решил окончательно, кому завещать свою коллекцию, и колебался,

А. И. УРУСОВ

Портрет, помещенный в номере парижского журнала „La Plume“ от 15 ноября 1891 г.

не отдать ли ее руанскому музею-библиотеке. Мотивы, которые его к этому побуждали, характерны для его особого чувства поклонения Флоберу. «Именно там, в Руане,—говорит он в записи от 28 мая 1892 г. (V),—там, где покоится прах Флобера, где возвышается его скромный памятник, где живут его родные, его друзья, где живы интимные воспоминания, столь часто разрешающие сомнения относительно темных пунктов в его творчестве и биографии, именно там должно быть сосредоточено все, касающееся Флобера». Все же, первоначальное решение передать архив в библиотеку Carnavalet одержало верх.

По замыслу Урусова, его коллекция должна была стать систематическим толковым указателем по всем вопросам, касающимся жизни и творчества Флобера, своего рода энциклопедией по Флоберу. Технику, которой он держался при составлении каждого тома, Урусов объясняет во французской Note, помеченной 1892 г. Он говорит в ней, что все статьи, помещенные в I томе, зарегистрированы и отчасти критически разобраны на карточках, расположенных в алфавитном порядке на металлических стержнях. Таким образом, коллекция представляет собой систематический указатель всего, касающегося великого художника, и становится книгой, составленной из отдельных отрывков, надлежащим образом классифицированных и снабженных надписями («livre en morceaux, classés et étiquetés»). Как пример, он приводит: А—Article sur Flaubert. В—Biographie, Bouillet, Bouvard et Recuschet и т. д.

Названием «livre en morceaux» для своей коллекции Урусов дорожит и несколько раз повторяет его. Или же, помышляя хотя бы о частичном издании коллекции, он заранее придумывает заглавие для такого издания. Одно из таких заглавий (т. V, связка 10-я): «Flaubert et son œuvre: Catalogue raisonné d'une collection de pièces se rapportant aux écrits et à la biographie de Gustave Flaubert par le Prince A. I. Ourousof, avocat au barreau de Moscou».

Другое заглавие намечено в т. I, связка 2-я: «Matériaux pour servir

à une histoire des œuvres de Flaubert»; оно сопровождается небольшим предисловием, в котором Урусов излагает мотивы, руководившие им при составлении коллекции. Мотивы эти тем более интересны, что относятся ко всей франко-русской литературной деятельности Урусова, и с этим написанным по-французски предисловием к несостоявшемуся изданию интересно ознакомиться для характеристики Урусова.

«Документы, входящие в этот том,—пишет Урусов,—составляют коллекцию, начатую в ... [год не проставлен] и которая еще далеко не закончена полностью. Я все же решаюсь приступить к изданию ее, из опасения, как бы какой-нибудь несчастный случай не сделал публикацию невозможной. Пожар или кража могут рассеять эту груду хрупких газетных вырезок; может также умереть коллекционер, и эти листки исчезнут навсегда. Ведь если и существуют все газеты, из которых взяты статьи, вошедшие в коллекцию, все же проделать наново все изыскания было бы огромным и утомительным трудом. Поэтому сохранить сделанное, облегчить пользование им—значит продолжить жизнь себе подобных. Моя коллекция состоит: из 1) заметок и библиографических указаний, касающихся критических статей о Флобере; 2) из газетных статей и книг на ту же тему и 3) из портретов и автографов, очень немногочисленных.

Моя цель при составлении этой коллекции, быть может, единственной в своем роде, заключалась в содействии славе великого писателя и современной французской литературы. Мы, иностранцы, обязаны долгом большой благодарности французской литературе. Этот долг нужно выплачивать. В детстве мы кое-как болтали по-французски, в молодости изучали... [пропущено слово], а потом опять-таки только литература составляет живое благо... [фраза не закончена]. Так вот я хочу уплатить кое-что в счет этого долга.

Это незаконченное предисловие указывает на то, что у Урусова было серьезное намерение напечатать хоть часть своего материала, т. е. первый том, отвечающий содержанию первого картона коллекции. Намерение это привело к дальнейшим шагам, так как в архиве имеется (картон V, связка 10-я) собственноручное письмо известного издателя передовых французских писателей 90-х годов, Л. Ванье, ставящее издание на деловую почву. Письмо адресовано типографу Эресси в Эвре.

«Князь А. Урусов, московский адвокат,—пишет Ванье типографу,—намерен напечатать книгу под заглавием «Заметки о Флобере». Я ему рекомендовал вашу типографию для его работы, которая должна была быть закончена к началу октября, ввиду того, что открытие памятника Флоберу, вашему соотечественнику, назначено на 15 октября. Я сказал, что печатание, бумага и брошировка издания в 1100—1000 экземпляров обойдется в 1000 франков. Прошу вас ответить Урусову и мне, и надеюсь, что ответ будет благоприятный... Я вас считаю нормандцем, потому что вы живете в Эвре».

Несмотря на все приготовления, это издание не состоялось. Как мы это дальше увидим, такова была, к сожалению, судьба многих чисто писательских предприятий Урусова.

Урусов, как мы это видели по его предисловиям и заметкам, придавал большое значение библиографической части коллекции, классификации материала, обнимающего все флюберовские проблемы, строгой выдержанности алфавитного порядка в целях пользования архивом, как указателем. Последнее, однако, оказалось самым непрочным в архиве, веро-

ятно, из-за переправки бумаг из одного места в другое, и от алфавитного распределения материалов теперь почти ничего не осталось. Но главное, что Урусов хотел видеть в своей коллекции,—это как можно более полную книгу о Флобере, собрание и изложение всего, что было сказано значительного о творчестве великого романиста. Достижения в этой области составляют основную ценность урусовского архива. Для русских же исследователей Флобера и для изучения истории франко-русских литературных отношений, в особенности, ценны вклады в архив самого составителя архива—рукописи неизданных работ Урусова, так как в них особое внимание уделено русской стороне флоберизма, вопросу о том, что знали и чего не знали у нас о Флобере до появления «Парижских писем» Золя в «Вестнике Европы» в 1875 г.—и затем позже, в 80-х и 90-х годах, когда, главным образом, создавалась и пополнялась коллекция Урусова.

В первом же намеченном к изданию томе,—на основании I и II картонов архива, наиболее богатых рукописным материалом, статьями и заметками, а также критическими разборами Флобера,—имеется довольно много статей самого Урусова, посвященных Флоберу. Статьи эти большей частью не закончены, за исключением нескольких коротких заметок о памятнике Флобера и других маленьких очерков, которые мы приводим в приложении к настоящей статье. По существу, все эти работы являются разрозненными отрывками незавершенного большого труда Урусова о Флобере, или, говоря точнее, его исследования о Флобере, как авторе «Мадам Бовари», так как Урусов считал этот роман Флобера основным в его творчестве и постоянно к этому роману возвращался. Он с особым удовлетворением и как бы в подкрепление своих взглядов на «Мадам Бовари» ссылается на мнение Тургенева: «Мы слышали неоднократно от И. С. Тургенева,—пишет Урусов в конце одной из статей,—что «Мадам Бовари»—лучший роман, появившийся после Бальзака», и прибавляет, что «разнообразие оттенков характера в изображениях Флобера может быть приравнено только к пластике шекспировских типов».

Собранные в архиве рукописные отрывки статей или незаконченные более пространные очерки носят разные заглавия. Самый большой очерк в 20 листов, исписанных с одной стороны, озаглавлен: «Флобер. Аналитический этюд. I часть. Жизнь Флобера»; другой вариант той же статьи надписан по-французски: «Flaubert, article manuscrit inédit russe» («Статья о Флобере, неизданная русская рукопись»). Рукопись датирована 9 августа 1889 г. и предназначалась, повидимому, для журнала «Новое Обозрение», но осталась незаконченной. Кроме того, в архиве имеется ряд разрозненных фрагментов, иногда носящих заглавие «Мои заметки».

Изложение взглядов Урусова на Флобера во всех этих рукописях одинаково, а отдельные сведения, имеющиеся в разных версиях, взаимно дополняют друг друга. В своих статьях Урусов занят вопросом о методах изучения Флобера. Увлеченный культурно-историческим методом Тэна, он доказывает, что подлинное и плодотворное изучение Флобера должно быть изучением «комбинируемых условий личности и среды» и что необходим экскурс в область истории Нормандии, чтобы показать влияние на Флобера местности, в которой он жил и работал. Поэтому в большом «Аналитическом этюде» Урусов приводит пространные извлечения из авторитетных ученых книг о Нормандии и нормандцах. Затем он считает, что биографию Флобера должны были бы разрабатывать его друзья: Тэн,

Э. Гонкур, Золя, Мопассан, которым знакомы условия, среди которых развивалось его творчество; кроме того, само собой разумеется, что автору этюда о Флобере следовало бы и внешней форме своего труда придать ту стилистическую законченность, которой так дорожил автор «Искушения св. Антония».

Дополняя свои требования, предъявляемые биографу и критику Флобера, Урусов дает в другом, тоже незаконченном, отрывке подробную программу статьи о Флобере, куда входит не только изучение Флобера, как нормандца, но и параллель с Бальзаком и Золя, туринцем и провансальцем, обследование экономических условий (материальная обеспеченность Флобера), влияния семейной среды (близость к медицинскому миру), затем особенностей темперамента Флобера и его политического склада: его презрение к буржуазии и любовь к «простым людям», при равнодушии к политическим формам. На этой программе Урусов строит схему критической или, по его терминологии, «аналитической» статьи, «скольнибудь достойной Флобера».

«Следует,—пишет Урусов в одной из своих заметок (довольно неразборчиво написанной карандашом),—поступить, как поступал великий писатель [Тэн]: положить в основу статьи глубокое многолетнее изучение условий среды, в которой он [Флобер] развился, влияний расы, страны, наследственности, личного темперамента, его жизни, материальной обстановки, а как результат, его произведений. Следовало бы в основу такой работы положить личное, непосредственное изучение писателя в его интимной обстановке и придать внешним формам критического о нем исследования строгость линий и классическую сдержанность. Другими словами, критический очерк о Флобере должен бы, при документальности содержания, явиться еще облеченным в те изящные формы слога, которым он владел в совершенстве».

Своей собственной работе о Флобере Урусов, однако, не ставит столь широких задач, ввиду «недостаточности багажа материалов», которыми, по его мнению, он располагал для своего критико-биографического очерка о Флобере. «Нам, русским почитателям Флобера,—пишет он,—предстоит скромная, но не менее трудная задача—попытаться изучить писателя по его произведениям, попытаться разъяснить вопрос: какое значение, какой интерес имеет Флобер для нас, русских».

Ставя этот вопрос, Урусов затрагивает любопытную тему о параллелизме судеб творчества Флобера во Франции и в России. Во Франции, как хорошо известно, культ Флобера сопровождался не малой долей нападков и преследований автора «Мадам Бовари». Помимо знаменитого процесса, вызванного появлением «Мадам Бовари», Э. Гонкур имел полное основание в своей речи на открытии памятника Флоберу говорить о несправедливости к Флоберу критиков; из них некоторые утверждали, что «проза Флобера позорит эпоху Наполеона III», а другие ставили ему в упрек его «эпилептический» стиль, с явным и ядовитым намеком на непроверенные и злостные слухи о его припадках падучей, которые распространял «друг» Флобера—Максим Дю Кан (Maxime Du Camps).

В России отношение к Флоберу тоже резко разделило литературную критику на два лагеря и сделалось одним из лозунгов распри, почти гражданской войны, между передовой литературой, поддерживаемой культурным слоем читающей публики, и обскурантской массой реакции, тем

более, что «флоберизм» и нападки на него в момент смерти Флобера в 1880 г. и начала подписки на памятник ему, при непосредственном активном участии Тургенева, приняли характер явно политический. Этой теме посвящены особая статья и заметка Урусова, которые мы приводим в приложении к нашему очерку.

Почти во всех своих русских статьях Урусов останавливается на вопросе о том, какое место принадлежит Флоберу в европейской литературе, и, в особенности, на значении Флобера для русских. «Разрешение этих вопросов,—пишет Урусов в «Аналитическом этюде» 1886/7 г.,—теперь может быть современным. Оно может до известной степени определить значение патриотических нареканий, с которыми часть нашей прессы сочла нужным обратиться к И. С. Тургеневу (аргументация их: какое нам дело до Флобера, да еще при нынешней дороговизне?)».

Враждебность к Флоберу многих представителей русского общественного мнения, в другой своей заметке, Урусов объясняет плохой их осведомленностью. «Один из моих знакомых,—пишет он,—человек образованный, но равнодушный к литературе, спрашивал меня на-днях, что означает подписка, предложенная Тургеневым на памятник какому-то Флоберу. Кто этот Флобер? Что он сделал и за что ему памятник? Такое же недоразумение вызвал Тургенев в чуждых литературе сферах. Одна московская газета [вычеркнуто «Современные Известия»] сочла нужным оспаривать подписку, предложенную Тургеневым, на том основании, что у нас-де и своих памятников мало и что лучше деньги приберечь на памятник Тургеневу (sic!). Понятие о солидарности литературных инте-

1892 Note. №478
Tous les articles de
ce 1er volume ont
été catalogués et
analysés en partie
sur des fiches en
cristal, disposées
dans l'ordre alphabétique
sur des tiges en
métal. Elles forment
ainsi un répertoire
synthétique des matières
ayant trait au grand
romancier et sont, pour
dire, un livre en
morceaux classés et
étiquetés. *Antoine Tassin*

АВТОГРАФ „ПАМЯТКИ“ УРУСОВА,
ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ ХАРАКТЕР ЕГО КОЛЛЕКЦИИ,
1892 г.

Музей Карнавале, Париж

ресов в цивилизованном мире и о том, что представители высшего художественного развития одинаково дороги для всей цивилизации, а не только для какой-нибудь одной страны, кажется огромному большинству читателей, выражаясь учтиво, фантазией».

Необходимость, прежде всего, заняться делом ознакомления русского читателя с Флобером заставляет Урусова отказаться на время от соблазнявшей его большой работы в духе исследовательских приемов Тэна и сосредоточить свое внимание на изучении и показе творчества Флобера. «Если справедливо вообще,—говорит он,—что жизнь писателей вся в их книгах, что книги—их события, то ни к кому это мнение не применимо более, чем к Флоберу... И так как русская публика в последнее время очень много слышит о Флоре, его хвалят, ему воздвигают памятник, и знаменитый писатель [Тургенев] патронирует это литературное предприятие, то именно теперь следует сказать свое мнение [подчеркнуто Урусовым] о Флоре».

Для Урусова этот довод является наиболее привлекательным, так как «высказывание своего мнения» дает ему возможность передавать в импрессионистской манере свои впечатления от каждой книги Флобера, лирически описывать свои переживания от повторного чтения его романов, в особенности, конечно, от любимого произведения Урусова «Мадам Бовари», и попутно, под рубрикой «Мои заметки», на отдельных листках и карточках набрасывать критические суждения по разнообразным вопросам творчества и биографии писателя.

В этой импрессионистской манере написан и упомянутый нами незаконченный «Аналитический этюд». Большая часть составляющих его двадцати рукописных страниц in-folio посвящена восторженному подробному пересказу «Мадам Бовари»,—это вполне соответствовало не раз высказанному Урусовым намерению приохотить читателя к чтению не комментариев к Флоберу, а самых его произведений: «Читайте Флобера—вот единственный полезный вывод, который настоящий этюд может дать читателю»,—часто повторяет Урусов в своих писаниях относительно «Мадам Бовари», прибавляя по адресу русских читателей: «Цель моя будет достигнута, если читатели прочитают роман в подлиннике». Первые русские переводы, о которых он говорит, были плохие и неполные, и он перечисляет их: «Мадам Бовари» в «Библиотеке для Чтения» 1858 г., «Саламбо» в «Отечественных Записках» 1868 г. («если не ошибаюсь»,—прибавляет Урусов), «Сентиментальное воспитание» отдельным изданием, «Легенда о Юлиане» в «Вестнике Европы» в классическом переводе Тургенева («единственное исключение по своему совершенству»), «Бувар и Пекюше» в «нашем» журнале, т. е. в «Новом Обзрении» Урусова, «Искушение» в «Еженедельнике Нового Времени». О русском переводе «Мадам Бовари» Урусов говорит отдельно и более подробно:

«Роман Флобера «Мадам Бовари» пользуется известностью в России, что можно заключить из того факта, что он вышел в двух различных переводах в 1857 и в 1880 гг. Первый перевод, хотя изобилует промахами и неточностями, все же литературнее второго. Недаром первый напечатан был впервые в «Библиотеке для Чтения» Писемского. Кажется, что в этом первом переводе участвовал П. И. Вейнберг. Что же касается второго, то при неисправности текста он еще отличается ремесленностью формы. Так и чувствуется, что перевод этот—дешевая заказная работа, сделанная кое-как. Вообще Флоберу не посчастливилось. Роман, репутация кото-

рого в течение полувека не падала, а возрастала в мнении литературной критики, не нашел себе еще хорошего переводчика».

Пересказывая в своем очерке «Мадам Бовари», Урусов останавливается на красотах отдельных мест: «Если бы картины деревенского праздника и другие,—утверждает он,—были написаны на полотне так, как они воспроизведены Флобером, они заняли бы место между лучшими произведениями живописи». Но еще больше, чем «живопись» Флобера, Урусов ценил глубину психологического анализа в «Мадам Бовари». Он отмечает конкретность отдельных сцен (ухаживание Шарля Бовари за Эммой), неподражаемую тонкость и отчетливость, а также тонкий юмор эпизодов начала брачной жизни Эммы (свадебный пир и другие) и момента, когда Эмма начинает тяготиться буржуазным спокойствием.

«Здесь,—отмечает Урусов,—начинается глубокий, сжатый психологический анализ. Флобер воскрешает всё до последней тайной пружинки душевных движений Эммы. Из этого анализа читатели уже могут заметить, что в более или менее далеком будущем катастрофа неизбежна».

С такой же тщательностью Урусов разбирает другие типы романа, в особенности аптекаря Омэ (Урусов пишет «Гомэ»), в котором, по его определению, Флобер «соединил громадный запас наблюдений над пошлостью французского буржуа либерального пошиба...» и «проявил свою ненависть к буржуазии, ко всему тому, что соответствует типу самодовольного эгоизма господствующего класса». Урусов отмечает также, при разборе Омэ, систему характеристики действующих лиц, которой держится Флобер. Он указывает, что «с самого начала не описывается ни наружность его [Омэ], ни биография. Гомэ прямо выставляется действующим лицом в разговоре, и лишь мало-помалу в течение всего рассказа обрисовываются его особенности».

Высказав, как ему хотелось, в «Аналитическом этюде» и в других отрывках более пространно «свое мнение» о «Мадам Бовари» и вкратце о других произведениях Флобера, Урусов дает много отдельных критических указаний в общей рубрике «Мои заметки». Так, он говорит о «синкопах» в «Мадам Бовари», т. е. об острых моментах личной драмы, отделяющих действующих лиц от окружающего, но непременно на фоне столь же заостренных проявлений коллективных интересов. Таковы диалог Леона и Эммы и речь Омэ о химии, диалог Родольфа и Эммы и речь советника о земледелии, описание переживаний Эммы и Леона, слушающих объяснения швейцара в соборе. Другой отмеченный Урусовым любимый мотив в творчестве Флобера—дружба двух очень различных по характеру людей. Этот мотив отчасти автобиографичен, так как соответствует отношениям, существовавшим между самим Флобером и его другом Булье, а отчасти и отношениям Флобера к столь отличной от него Луизе Коле. В романах Флобера этот мотив очень часто повторяется: Мато и Спендий в «Саламбо», Фредерик и Делорье в «Воспитании чувств», а затем наиболее ярко—в дружбе Бувара и Пекюше.

Совершенство первого же романа Флобера Урусов в своих критических заметках объясняет (см. листок, озаглавленный «Отрывок для статьи о Бовари») «методой» Флобера, выработанной до совершенства и которой он оставался верен во всех романах. «Вкратце,—говорит Урусов,—метода эта может быть выражена так: внутренняя жизнь действующего лица все время иллюстрируется маленькими характерными фактами жизни внешней. Те и другие выдержаны в одном стиле с описанием обстановки. Такая

метода доступна только очень большому таланту, и главное в том, что она требует громадных подготовительных работ, этюдов и коллекционирования фактов».

Помимо детального изучения художественных приемов Флобера, в этюдах и отрывках Урусова намечается также стремление высказать обобщающие суждения о Флобере. Любопытно при этом, что, говоря о «грозных социальных проблемах» времени Флобера, Урусов утверждает, что Флобер только казался индифферентным к политике, и с недоверием относится к мнению, будто от Флобера нельзя было ждать хоть сколько-нибудь активного отношения к политическим движениям. Урусов отстаивает мысль, что косвенным образом через свое творчество Флобер стремился влиять на общественно-политическую жизнь своего времени. Это показывает, что Урусов гораздо ближе к нашему послереволюционному взгляду на Флобера и на динамизм его суровой антибуржуазности, в которой даже наиболее проницательные критики его времени видели лишь эстетический протест замкнутой в себе личности.

И недаром, поэтому, в своих статьях Урусов так ополчается на Сент-Бёва за недостаточно высокую оценку автора «Бовари». Недаром он — почти по-адвокатски — берет под свою защиту Флобера, объясняя отсутствие чуткости к Флоберу у Сент-Бёва противоположностью их темпераментов: «Суровый пессимист Флобер, — говорит Урусов, — не по нраву женственному Сент-Бёву. Эпикурейцу трудно понять стойка. Сент-Бёв симпатизирует более всего тонкому, игривому, слегка сладострастному. Ужасное ему кажется опасным в литературе. Приятное он ставит выше».

Один только Золя удовлетворяет Урусова — и как источник биографических сведений о Флобере и как его критик. Урусов не мог тогда знать, какое обилие биографического материала даст постепенное опубликовывание «Переписки» Флобера и какие широкие размеры примет исследование всех обстоятельств его жизни. Больше всего он ценит статью Золя в «Вестнике Европы» 1875 г. «Флобер и его сочинения», вошедшую в I том «Парижских писем» Золя (СПб. 1878). Излагая эту статью, Урусов вполне принимает основное положение Золя, что «натурализм все более вытесняет вымирающие формы субъективного романа и фантастического вымысла, выдаваемого за действительность».

Он считает, что вообще только с Золя и началось подлинное изучение Флобера, в особенности в России, и ко всему, что в русских журналах писали о Флобере до 1875 г., относится с сарказмом собирателя «сокровищницы человеческой глупости».

Таким образом, из краткого обзора сохранившихся в архиве и все еще не изданных рукописей Урусова мы видим, что он был вполне на высоте современных ему исследовательских работ о Флобере, а кое в чем и превосходил их, что он глубоко изучил произведения знаменитого романиста и в своих суждениях о Флобере соединял преклонение перед художественной стороной его творчества с пониманием и сочувствием его философским и социальным идеям. Из этого не вышло большой, исчерпывающей работы о Флобере, о которой Урусов, по всей видимости, мечтал и для которой более десяти лет собирал материалы, но осталось все то ценное, что вложено в его заметки и отрывки, большие и малые, и то понимание и критический вкус, с которым подобраны и аннотированы материалы его коллекции.

Если почти все написанное Урусовым обращено к русскому читателю с целью научить его читать и почитать Флобера, то весь остальной французский материал коллекции имеет в виду скорее флюберистов-французов, особенно нуждавшихся в пополнении всякого рода данных о Флобере новым, еще не изданным материалом и в систематизации существующего материала для облегчения исследовательской работы над Флобером. Это и есть «уплата в счет долга» Франции, о которой говорит Урусов в предисловии.

К неизданным материалам относятся автографы писем, полученных Урусовым в ответ на запросы относительно Флобера. В числе их отметим, прежде всего, письмо Тэна по поводу суждения о «Мадам Бовари» в его книге «De l'Intelligence» (Hachette, 1870). Вот слова Тэна: «Мои вымышленные персонажи,—пишет мне самый точный и наиболее ясно видящий из современных романистов,—влияют на меня, преследуют меня, или, вернее, я переселяюсь в них. Когда я описывал сцену отравления Эммы Бовари, я настолько чувствовал в к у с м ы ш ь я к а в о р т у, что был сам отравлен. У меня была настоящая рвота два раза подряд, и я вернул весь свой обед».

Письмо Тэна, вместе с другими автографами, мы даем в Приложениях, отметив здесь только, что оригинала письма нет в коллекции (оно, вероятно, передано Флюберовскому музею в Круассе), но имеются копия, сделанная рукой Урусова, и конверт с адресом Урусова и московским штемпелем от 30 октября 1890 г.

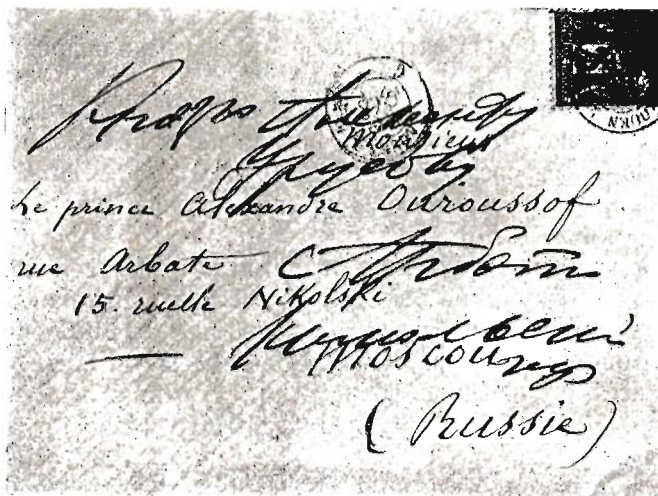
Другие автографы свидетельствуют о том, что Урусов хорошо знал, из кого состояло окружение Флобера, и умел находить наиболее осведомленных лиц, к которым и обращался с вопросами о нем. Собираясь лично повидать племянницу Флобера, мадам Коммонвиль, он подготовил список вопросов (список составлен по-французски): 1) реликвии; 2) библиотека; 3) рукописи; 4) Бувар и Пекюше; 5) Будда; 6) Круассе; 7) рукописи того, что было издано; 8) варианты текста; 9) разрешение для воспроизведения портретов и автографов; 10) к кому обращаться за сведениями. Свидание с мадам Коммонвиль не состоялось, но в своих ответных письмах (см. Приложение) она хотя и отказала в разрешении воспроизводить принадлежавшие ей портреты Флобера, но дала ценные указания о предполагавшемся продолжении «Буvara и Пекюше» и о «Переписке» Флобера, первые четыре тома которой, невзирая на все нападки на нее, наследницу Флобера, за разоблачение его личной жизни, она издала между 1887 и 1889 гг.

Наиболее содержательным и богатым сведениями о Флобере из числа подлинных писем является письмо Шарля Лапьера (см. Приложения), автора «Esquisse sur Flaubert intime». В этом письме, среди ответов Урусову по разным пунктам, Лапьер в пункте втором второго письма советует не слишком верить сообщениям «вероятно, только временного и случайного секретаря Флобера» о том, как работал Флобер. Это относится к Эдуару Гашо (Gachaut). Он был секретарем Флобера в последний год его жизни и потом, ко времени открытия памятника Флюберу в 1890 г., напечатал в газете «Paris» (24 ноября 1890 г.) свои воспоминания, в которых сообщал фантастические подробности о том, как Флобер писал свои романы: будто у него была черная доска, скрытая от взоров посетителей, и на ней во время работы он чертил план задуманной сцены; будто на диване были свалены семь-восемь одеяний и плащей, изображавших для Флобера эпоху и быт романа. Флобер надевал платье, подходившее к дан-

ному персонажу (это он называл «le coup du pardessus»), и «играл» перед доской весь диалог намеченной сцены, меняя голос, подражая аффектам действующих лиц, переходя от смеха к слезам, изображая то бешенство, то любовь, то злобу. Гашо уверял, что весь роман «Саламбо» был так разыгран; будто бы Флобер «двадцать раз» повторял ему, что именно это приехало его расхаживать дома в античных одеяниях.

Включая в архив статью Гашо из газеты «Paris», Урусов сопровождает ее скептической припиской.

В коллекции Урусова имеется также подлинное письмо скульптора Шапю, на чью долю, после долгих пререканий и выборов, выпала честь выполнения руанского памятника Флоберу. Урусов обратился к нему с просьбой прислать фотографию памятника для ее опубликования до его открытия. В ответном письме Шапю (от 16 августа 1890 г.) чувствуется некоторая неуверенность в себе и в своем произведении, и действительно, оно

КОНВЕРТ ПИСЬМА ШАРЛЯ ЛАПЬЕРА К УРУСОВУ ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1891 г.

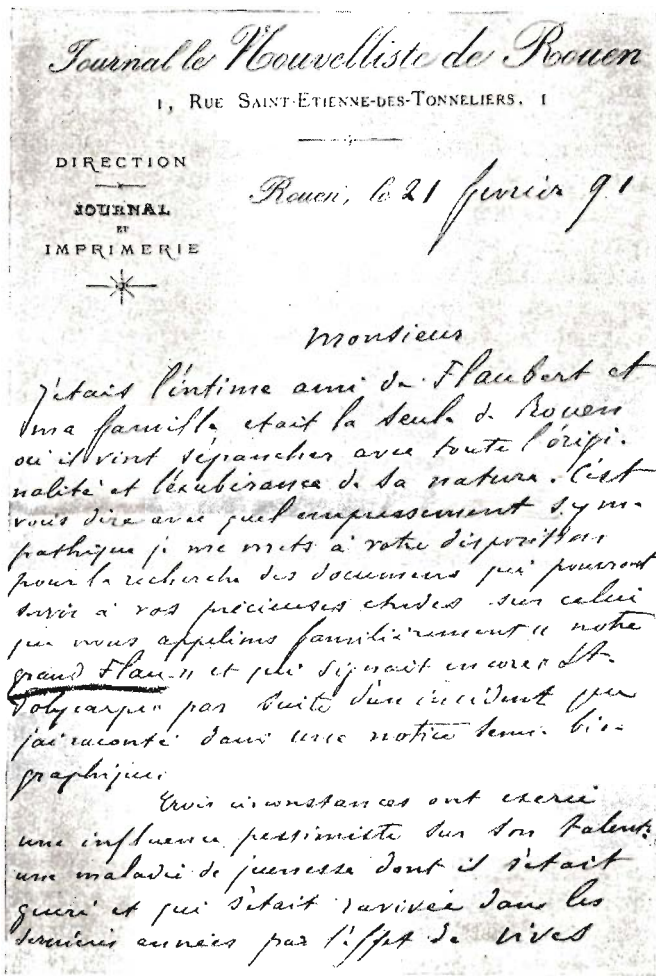
Музей Карнавале, Париж

совсем не удовлетворило друзей и почитателей Флобера. «Я прошу извинить меня за промедление с ответом,—пишет Шапю,—работа моя не была закончена. После Салона [т. е. выставки] мне пришлось кое-что подправить, и я посылаю вам фотографию, снятую перед отправкой памятника в Руан... Для медальона я воспользовался портретом Надара, самым лучшим, и моя копия его далека от совершенства («je l'ai imparfaitement copiée»). Существует портрет в профиль у графа Ньюверкерка, но было уже поздно, когда мне его показали». Этот тон письма считающего нужным оправдываться Шапю прибавляет любопытную черту к сложной истории памятника Флоберу.

Урусов очень старался обогатить свою коллекцию неопубликованными портретами Флобера. В этом отношении интересно письмо одного атташе французского посольства в Петербурге (от 3/15 июля 1885 г.), который, наведя справки, сообщил Урусову, что нигде в Руане портрета Флобера нельзя достать, потому что «Флобер никогда не снимался». В настоящее время всякому исследователю Флобера известно, что это неверно, что

имеется достаточно портретов Флобера в разные периоды его жизни и что Флобер сам поддерживал эту легенду, подтверждавшую его прославленные слова: «Я считаю несуществующим все, что вне самого произведения писателя» («Je considère comme néant tout ce qui est en dehors de l'œuvre elle-même»).

В числе интересных автографов коллекции следует отметить еще письмо первого издателя Флобера, К. Леви, который, в ответ на запрос Урусова,

АВТОГРАФ ПИСЬМА ШАРЛЯ ЛАПЬЕРА, ДРУГА ФЛОБЕРА, К УРУСОВУ ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1891 г.

Первая страница

Музей Карнавале, Париж

сообщает, что первое издание «Мадам Бовари» в 1857 г. вышло в количестве 1400 экземпляров, а второе в 1858 г. в количестве 4000. Есть также некоторое количество других автографов, свидетельствующих о том, с какой тщательностью, умением и знаниями составлялась осведомительная часть архива.

Большое место в «Collection Ourousof» (в общем, не менее половины архива) составляют газетные вырезки, журнальные статьи, брошюры, кое-какие портреты и т. п. Многое из этого материала устарело. Как пример,

можно указать на брошюрку Ш. Ришара (Charles Richard, Chenon-seaux et Gustave Flaubert». Cours 1887). Урусов вносит ее в архив, как библиографическую редкость, и придает большое значение этому описанию жизни Флобера в замке Шенонсо, где «у Флобера было символическое видение „Искушения св. Антония“ и где он нашел в библиотеке замка старинные книги, послужившие ему материалом для „Буvara и Пекюше“». Теперь эта брошюра вошла в давно использованный и корреktированный материал Р. Дешарма, Р. Дюмениля и других ученых французских флoберистов и потеряла свою ценность. То же самое относится и к некоторым другим находкам Урусова. Кроме того, газетные вырезки только частью просмотрены и в некоторых случаях аннотированы Урусовым. Большая же часть вырезок включена в архив автоматически, как бы в сыром виде, в каком доставлялась *Argus de la presse*. Отсюда неизбежная пухлость материала: одна и та же статья или информация повторяется много раз, по мере того, как столичный газетный материал проходит через провинциальную прессу. Это особенно заметно в отзывах о «Переписке» Флoбера, составляющих целый огромный том.

Несмотря на этот и еще некоторые другие недостатки, вырезки архива сохраняют большой литературный интерес, раньше всего, для исследователя, который может найти кое-что новое среди устаревших и хорошо известных ему фактов, а потом, как отражение писательского роста Флoбера, сказавшегося в меняющихся откликах его критиков и ценителей.

Особый интерес представляет объемистая коллекция вырезок под общим заглавием «Памятник» («*Le monument*»), куда включен материал по вопросу о памятнике Флoберу, поднятому сейчас же после его смерти и оставшемся в положении «вопроса» еще долгие годы, а также все, что писалось в прессе, когда памятник был, наконец, поставлен и открыт. Вместе с этой историей памятника Флoберу в архиве Урусова имеются отклики на нее в России, что дает возможность проводить любопытные параллели.

Из собранных в архиве вырезок выясняется вся трудность сооружения памятника тому, кого вся Франция признавала великим художником. Подписка шла плохо. Газеты иронизировали, что вся беда в пренебрежении Флoбера к политике. Будь он хотя бы муниципальным советником, он бы уж давно «имел свою статую» («*serait statuifié*»). Государственные театры отказались поставить спектакль для сбора на памятник. У комитета шел спор с семьей Флoбера, которая настаивала на передаче заказа на памятник скульптору Гильому, с самого начала предложившему безвозмездно свои услуги. Комитет, в интересах памятника, предпочитал Клезенжера (Clesinger), который уже, по собственному почину, начал лепить бюст Флoбера. В извинительном письме к Клезенжеру Мопассан, тщетно старавшийся его «отстоять», рассказывает некоторые любопытные подробности: «Тургенев, которому я говорил о вашем бюсте, предложил комитету направить к вам в мастерскую нескольких своих членов, но из боязни вызвать неприятности и всяческие затруднения большинство решило примириться с совершившимся фактом и утвердить выбор семьи. Я очень огорчен этим решением». В конце концов, в 1886 г. заказ на памятник был окончательно передан Шапо; в 1887 г. его проект был утвержден, в 1888 г. модель, по сведениям газет, была готова (она изображала сидящую на краю колодца фигуру Истины, протягивавшую свое зеркало Флoберу, т. е. в сторону медальона с его барельефом). Недостающие суммы

на покрытие расходов внесены были Э. Гонкуром, Мопассаном, Золя и Додэ, и в 1890 г., наконец, состоялось в Руане открытие памятника, сделанного Шапю. За отвергнутого Клезенжера вступился журнал «*Mesure de France*»; в нем появилась статья за подписью К. Ж. (К. G.), вышучивавшая Гильома, который «все еще лепит шляпу Наполеона», а о памятнике Флоберу работы Шапю говорится, как о «хромолитографии в виде барельефа, освященной прошлым летом под пользытельным дождем». Статья сопровождалась фотографией бюста, оставшегося «на память» у частных лиц.

Пока все это разыгрывалось во Франции, в России рассказывались небылицы о том, как за границей чтят великих людей. Урусов, любитель «перлов», все это тщательно собирал. «Живописное Обозрение» (31 мая 1880 г.) писало: «Подписка на памятник Флоберу дала в несколько дней 200 000 франков. Что же бы собрала Франция, если бы дело шло о памятнике писателю, имевшему для нее такое значение, как Пушкин для России». «Еженедельник Нового Времени» от 17 июля 1880 г. писал: «Не успело пройти месяца со смерти главы французских писателей, как автору «Бовари», «Саламбо» собираются поставить памятник в его родном городе Руане». Таких вырезок в архиве много, и они пополняются французским переводом письма Тургенева Полонскому, напечатанного в «*Nouvel-Liste de Rouen*» от 25 августа 1886 г., в котором Тургенев, возмущенный нападками, отказывается собирать в России деньги на памятник Флоберу.

Из вырезок, относящихся к открытию памятника, кроме исключительно интересного номера «*Gil Blas*», о котором мы уже упоминали, Урусов отмечает «очень сочувственную Флоберу, но строгую к скульптору» статью известного художественного критика Арсена Александра. Еще более объемистая коллекция вырезок посвящена «Мадам Бовари»; в ней собраны извлечения из отзывов об этом романе не только времени Урусова, но и переписанные от руки важнейшие статьи времени появления романа и времени процесса, возникшего из-за его появления.

Из всего, что нам удалось отметить из достижений Урусова и как коллекционера, и как писателя-флобериста, видна высокая ценность его труда. Остается пожалеть, что, в сущности, его работой очень мало воспользовались исследователи Флобера во Франции,—и, конечно, следует пожелать, чтобы советская наука извлекла и издала в русских переводах все, что есть ценного в шести томах «*Collection Ourousof*».

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ПАРИЖСКОГО АРХИВА А. И. УРУСОВА

1. СТАТЬИ А. И. УРУСОВА

1

ПАМЯТНИК ФЛОБЕРУ [СТАТЬЯ 1881 г.]

В № 267 «Русских Ведомостей» сообщается, что в ноябрь в Руане состоится торжество открытия памятника Густаву Флоберу. Сначала оно было назначено на октябрь, но его вынуждены были отложить отчасти потому, что не закончены некоторые скульптурные работы, отчасти ввиду отсутствия Мопассана, который вернется из Алжира в ноябре.

Об этом памятнике и о его истории—у него уже есть история—мы можем сообщить несколько новых данных, не лишенных интереса для русских почитателей автора «Мадам Бовари».

Флобер поражен был апоплексическим ударом за письменным столом и умер 7 мая 1880 г. на 59-м году от рождения. Эта внезапная кончина человека рослого, тучного и румяного, у которого, казалось, здоровье исполинское и жизненной энергии непочатый край, произвела в Париже, по словам одного из его друзей, Анри Соареса, подавляющее впечатление: в литературных и журналистских кругах, даже в тех, которые не любили Флобера, почувствовали, что вдруг исчезла большая творческая сила. Впечатление это сказалось в целом ряде передовых статей, посвященных умершему. Как начал Флобер, так он и кончил. Дебютировал он прямо с шедевра—«Мадам Бовари», без слабых попыток и юношеских опытов. Кончил он в полном расцвете сил, без старческих немощей, когда от автора «Искушения св. Антония» и «Трех сказок» можно было ждать еще более значительных произведений. Повидимому, мысль о памятнике возникла тотчас же. Парижский корреспондент «Отечественных Записок» [июньская книжка журнала за 1880 г.] писал, что при погребении в Руане, на которое съехалось множество писателей из Парижа, тотчас же составила подписка на сооружение памятника. То же известие подтверждало «Еженедельное Новое Время» [№ от 17 июля 1880 г.]: «Не успело пройти месяца со смерти главы французских писателей реалистов, как автору «Бовари» и «Саламбо» уже собираются поставить памятник в его родном городе Руане. Руанский городской совет постановил отвести место для памятника, и двое ваятелей вызвались безвозмездно сделать бюст знаменитого писателя». Эти известия, как видно будет впоследствии, страдали неточностями и отличались избытком розовых тонов.

1 декабря 1880 г. Ив. С. Тургенев писал редактору прекратившегося на три месяца журнала «Новое Обозрение» [т. е. автору статьи—А. И. Урусову]: «Я пошлю вам в днях небольшую статейку о подписке на памятник Флоберу» [Первое собрание писем И. С. Тургенева... Спб. 1884, стр. 367]. В то же время «Вестник Европы» [декабрь, стр. 948] возвестил о подписке на памятник Гоголю в России и Флоберу во Франции. Но несмотря на это дипломатическое сопоставление имен Гоголя и Флобера, предложение Тургенева вызвало если и не бурю, то известный враждебный гам в журналистике. И. С. Аксаков ополчился на Тургенева и грянул одною из тех филиппик, до которых, как известно, он был большой мастер. Досталось Тургеневу и за то, что он живет за границей, и за то, что он смеет предложить подписку в России, когда еще нет памятника Гоголю, когда у нее неурожай, и пошел, и пошел, забыв о русской пословице, что запрос в карман не лезет и что спрос не беда. Выходило как будто, что во всем этом виноваты Франция и Тургенев, а может быть, и Флобер. Впрочем, последний по складу своей натуры вообще едва ли был симпатичен Аксакову. «Отделка», однако, возымела свое действие. Бедный Иван Сергеевич, томившийся в Париже ужасными болями, писал 21 декабря 1880 г. тому же русскому почитателю Флобера: «Болезнь однако не извиняет меня в том, что я не сдержал своего обещания и не выслал вам статейку о Флобере. Но признаюсь вам, прием, встреченный мною у российской публики по поводу запроса нескольких грошей на его памятник, меня обескуражил. Представьте: не только [?] статьи во всех журналах, посыпались на меня негодующие, оскорбленные и просто ругающие, точно я бездельничество какое совершил. Все это вместе взятое возбудило во мне чувство гадливости».

Известно, какую дружбу питал к Флоберу Тургенев. Журналист, близко знавший его в Париже в 1879 г., Исаак Павловский, уверяет, что «Флобер был идеалом Тургенева. Он считал его сильнее всех бывших, настоящих и будущих писателей. Он перевел два рассказа Флобера—«Иродиаду» и «Св. Юлиана Милостивого», с любовью, доходившей до страсти. Он посвятил целый месяц переводу каждого рассказа, проводя часы в отыскивании точного выражения. Вот почему можно сказать, что Флобер переведен так, как никогда ни на какой язык переведен не будет».

[В конце статьи приписка по-французски:]

Наконец, у Флобера после десяти лет стараний будет памятник—не в Париже!—в Руане и не памятник—о нет!—а большая мраморная плита с прекрасной фигурой Истины и медальоном с мало похожим портретом Флобера. Ну уж и памятник!

2

[ОТРЫВОК ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ СТАТЬИ 1881 г.]

«Мне говорят,—пишет Золя в одном из «Парижских писем»,—что в России Дюма превозносят до небес, а между тем, там почти не знают «Мадам Бовари» и «Жермини Ласерте» Гонкуров. По правде сказать, обидно для французов редко встречать их имена в газетах, поклоняющихся кумирам дня. Что у нас Флобера почти не знают, это правда или почти правда, если бы только можно было подвести словечко «почти» к какой-нибудь мерке. Недаром же какая-то московская газетка, известная специалистка по

вопросам о протодиаконах, красном звоне и других интересных материях, выражала на-днях изумление, почему Ив. С. Тургенев стал вице-президентом комитета для сооружения бронзового бюста Густаву Флоберу. И зачем это он приглашает нас, православных русских людей, пожертвовать рубли, когда у нас дескать и своих памятников еще мало. Хотя в этом последнем обстоятельстве французы едва ли виноваты, но нельзя не согласиться с почтенной московской просвирней: тратить деньги на памятники, да еще чужие, совершенно бесполезно не только теперь, но и вообще когда бы то ни было. Есть, правда, фантазеры, утверждающие, что литература—общее достояние цивилизованных людей, что у всех народов есть нечто общее в искусстве и поэзии, что писатель, внесший новую струю в литературу, создавший типы, которые живут идеальной жизнью, живет в нашем сердце с той минуты, как мы его узнали. Но все это для большинства пустые фразы, и всегда легче будет доказать, что денег бог знает на чьи памятники давать не следует.

3

ФЛОБЕР. КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК [ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ 1892 г.]

Мне всегда казалось, что лучший комментарий к хорошему литературному произведению не дает столько, сколько дает прочтение его вторично. В нем самом, в его глубине, скрыты его смысл и значение. При первом прочтении захватывает фабула. Вы увлечены потоком событий. Вы взволнованы драматическими перипетиями рассказа. Вы переживаете его.

В таком состоянии читатель не может оценить богатство фантазии автора. В произведении отдельных эпизодов он лишь бегло замечает тщательную выписку деталей и удивительно тонкую чеканку отдельных образов. Нужно иметь очень большое литературное чутье, чтобы с первого же разу оценить художественность вымысла и исполнения.

Вот почему почитателю Флобера как-то не хочется ни писать к нему комментарии, точно застраивать лесами готический собор, ни объяснять его красоты равнодушной к искусству публике, точно показывать этот собор зевающим туристам.

Какая надобность собирать данные об истории романа, когда сам роман может быть прочтен всяким. И что значит его история сравнительно с богатством и неувядаемой прелестью его содержания. И главное, к чему объяснять во что бы то ни стало, когда нас ничто к этому не обязывает.

Все это совершенно справедливо, и потому я долго колебался, докучать ли читателю настоящими строками или оставить всю работу втуне. Ни в интересе ее, ни в пользе я не убежден, и единственный читатель, которому она наверно доставит удовольствие, будет автор, и то потому, что какой-то назойливый голос жужжит ему: надо кончать, надо кончать. Сколько лет собирался и, наконец, кончаю. Быть может, и эта мысль очень поддерживала автора—не один читатель этого комментария бросит его на половине и, заинтересованный цитатами, прочтет или перечитает самый роман. Такой читатель поступит, конечно, лучше того, который не прочтет комментарий до конца, а до романа и не коснется. Впрочем, без основательного знакомства с текстом «Мадам Бовари» чтение моих заметок излишне. Может быть, это своего рода мания, но я должен сказать, что в течение больше четверти века я перечитывал «Мадам Бовари» бесчисленное множество раз—в последний раз летом 1892 г., и всегда испытывал то особенное умственное возбуждение, которое вызывается прикосновением к шедевру. Около десяти лет я собирал всевозможные исторические, библиографические, критические данные об этом романе—в чем я сознаюсь со всем смирением, ибо, конечно, мог употребить это время более полезным образом. Для объяснения такой странности я могу только сказать, что для меня нет в жизни более важного события, чем появление литературного шедевра.

II. ПИСЬМО И. ТЭНА—А. И. УРУСОВУ

Перевод:

Париж, 23, улица Cassotte
6 ноября 1890 г.

Милостивый государь,

Дата моей первой встречи с Флобером явствует из даты появления в свет «Саламбо»; он прислал мне свою книгу тотчас по опубликовании, и я немедленно отправился к нему с визитом, в его квартиру на бульваре Temple. Мы сразу сошлись; вскоре мы стали встречаться два раза в месяц на обедах Сент-Бёва у Маньи. Затем мы часто беседовали с глазу на глаз по три-четыре часа в его маленькой квартирке на улице

Мурильо; иногда к нам присоединялся Иван Тургенев, тогда мы вели долгие, серьезные беседы втроем.

Ввиду того, что моя корреспонденция не классифицирована, я затрудняюсь найти письмо по поводу «Госпожи Бовари», цитированное мной в «L'Intelligence», но могу почти с уверенностью сказать, что оно 1867 г. К этой дате относится начало главы, где напечатано письмо, и я тогда задавал письменно вопросы моим знакомым врачам и художникам.

Из произведений Флобера я предпочитаю «Госпожу Бовари» и «Три повести»; в других произведениях в одинаковой степени проявляются его талант и труд, но самая тема менее удовлетворительна, и общая концепция менее удачна, по крайней мере, с моей точки зрения.

Флобер принадлежит к числу пяти-шести человек наиболее мной уважаемых и любимых,—вот почему известное целомудрие мешает мне писать о нем; не следует вдаваться в анализ, когда речь идет о близком друге, даже с целью возвеличения его.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и симпатии преданного вам

И. Тэна

III. ДВА ПИСЬМА Г-ЖИ КОММАНВИЛЬ—А. И. УРУСОВУ

1

Перевод:

13 августа 1890 г.

Милостивый государь,

Ваше письмо я получила в Сен-Жерве, этим объясняется мой запоздалый ответ вам. Я бесконечно сожалею, что обстоятельства лишают меня удовольствия познакомиться с вами. Ваш культ памяти моего дяди, Гюстава Флобера, трогает меня, и я была бы счастлива побеседовать с вами. Я вернусь в Париж в октябре.

Если вы когда-нибудь снова приедете к нам во Францию, я надеюсь, милостивый государь, что вы пожелаете навестить меня, и тогда вы найдете открытыми двери моего дома.

Благодарю вас за все то лестное, что вы мне говорите и чего я отнюдь не заслуживаю. Примите и т. д.

Каролина Комманвиль

Воды Сен-Жерве

Само собой разумеется, милостивый государь, что я с величайшим интересом прочту ваш труд.

2

Перевод:

Сен-Жерве, деревня в Верхней Савойе
18 августа 1891 г.

Милостивый государь,

Я с большим интересом прочла ваше письмо и очень сожалею, что не имела возможности лично побеседовать с вами; я бы смогла лучше удовлетворить ваше любопытство почитателя и коллекционера. Я могла бы, быть может, передать вам также несколько статей о «Госпоже Бовари». Все они у меня, кажется, имеются. Статья [нерзб.] поистине—шедевр буржуазности.

В качестве наследницы литературных трудов моего дяди, я являюсь собственницей всех его рукописей, начиная с тех, которые он писал в двенадцатилетнем возрасте, а также значительных материалов к предполагавшемуся второму тому «Бувара и Пекюше». Я приняла меры, чтобы эти ценные рукописи сохранились после меня, завещав их библиотекам. Что касается заметок к «Бувару и Пекюше», то я думала было выпустить их вместе с изданием романа; они были даны на просмотр Ги де Мопассану, но он отказался от публикации их, хотя более, чем кто-либо, мог это сделать, ввиду того, что ему прекрасно знаком план его учителя*. Однако, я не думаю отказать от своего намерения.

Что касается писем, то, считая себя выше людей ограниченных или злонамеренных, я буду продолжать предпринятый мной труд; если бы не смерть мужа, я подготовила бы том прошлой зимой.

* Я опубликовала отрывки в книге под заглавием: «Par les champs et les grèves» («По полям и берегам»).

Я намерена также собрать все портреты дяди (у меня имеются его портреты, начиная с детских лет). Я хочу приложить их к нескольким страницам моих интимных воспоминаний, и, пока не издана эта брошюрка, я не могу дать разрешения на опубликование портретов, еще ни разу не появившихся в печати.

Вы поймете поэтому, я надеюсь, что я не могу дать согласия на воспроизведение фотографического портрета, сделанного Кайо (Caillot). Что касается факсимиле автографа, то я не возражаю и очень благодарна вам за ваше любезное желание предоставить мне это письмо для моего сборника. Мне его передал г-н Попплен (Popelin), и я сняла с него копию. У меня имеется несколько дядиных писем; возможно, что есть и то, о котором вы говорите.

Кажется, я ответила на все ваши вопросы.

Надеюсь, вы извините мое честолюбивое желание первой познакомить читателей с полной иконографией Г. Флобера; еще раз выражаю свои сожаления, что не могу быть вам полезной. Примите и т. д.

Каролина Комманвиль

У меня находится также библиотека дяди. Она состоит приблизительно из 3 000 томов, но каталога к ней у меня нет.

IV. ДВА ПИСЬМА Ш.-Ф. ЛАПЬЕРА—А. И. УРУСОВУ

Перевод:

1

Le Novelliste de Rouen,
1, rue St. Etienne des Tonneliers

Руан, 21 февраля 1891 г.

Милостивый государь,

Я был близким другом Флобера, и моя семья—единственная [в Руане], у кого он бывал и где выказывал всю оригинальность и неисчерпаемые богатства своей натуры. Этим объясняется сочувствие, с каким я спешу предложить вам свои услуги в деле собирания документов, которые пригодятся для вашего ценного труда о том, кого мы фамильярно называли «наш великий Фло»; он подписывался также «Святой Поликарп» после одного случая, упоминаемого мною в биографическом очерке.

Три обстоятельства дали пессимистическое направление его таланту: болезнь в юности, от которой он вылечился, но которая обострилась в последние годы жизни вследствие крупных неприятностей, и умер он от удара на почве эпилепсии; связь с г-жой Л. Коле, дрянью, на долгое время сделавшей его женоненавистником, и, наконец, потеря его маленького состояния, неосторожно вложенного в дело племянника, не отличавшегося честностью. Пессимизм, проявляющийся уже в «Воспитании чувств», еще более подчеркнут в последнем его произведении, «Бувар и Пекюше»; он сам говаривал, что после опубликования книги его придется поместить в Шарантон [городок департамента Сены, известный находящимся там домом умалишенных].

Впрочем, я не имею претензии предложить вам критические заметки. У меня имеются, главным образом, воспоминания, и некоторые из них помещены мною в издании, которое я вам послал и которое является лишь отдельно опубликованной главой большого иллюстрированного труда о Нормандии. Это рассказ о Флобере в белом доме в Круассе и в Руане, среди редких друзей, неизвестном большинству своих сограждан, лучше знавших его брата—врача. Я даю вам самую точную картину его жизни и быта.

Вы говорите о воздвигнутом ему памятнике и о подписке. Я получил сто франков, которые вы послали Мопассану. Подписка покрыла расходы по сооружению памятника, за который Шапо потребовал 12 000 франков (по счету уплачено). Должен сказать, что Шапо был весьма благороден, так как за цену, какую стоит камень, дал нам каррарский мрамор. Хоть и воздают должное таланту художника, но замысел отнюдь не нравится; совершенно справедливо считают, что скульптор ради фигуры прелестной женщины слегка пожертвовал главным персонажем, сведя его место к скромному простому медальону, да и то мало похожему. Как вы остроумно заметили, это не столько Флобер, сколько, в некотором роде, Жюль Сандо (после Жорж Санд, разумеется) в сочетании с Бисмарком. Всею виною комитет, члены которого никак не могли собраться: Гонкур дулся, Золя ничем не интересовался, Мопассан путешествовал, я хворал и сносился из Ниццы и других мест с Шапо лишь письменно, когда ему уже предоставили действовать по своему усмотрению. В сущности, художник навязал свой проект. Но публика считает, что настоящего памятника еще нет.

Церемония открытия, на которой я не мог присутствовать, хотя и был вице-президентом, была мало торжественной. Я лежал в постели. Ввиду отсутствия ярких

речей, похоже было на траурное торжество, проведенное на скорую руку. Парижане не побеспокоились. И не мудрено! Не было ведь ничего интересного в смысле политики.

Благодаря Флоберу, я, разумеется, знал и Тургенева; трудно вообразить нечто более трогательное, чем дружба этих двух гигантов: Тургенев—мягкий, утонченный и грустный, сравнивающий себя с жирным дыпленком, неосторожно выпущенным на свет божий, Флобер—буйный, особенно после того, как кончался период работы, когда он замыкался от всего мира, зачастую возмущенный, мечтающий о неведомых казнях для политиков и глупцов, которых он отождествлял. Вижу словно сейчас, как он ежегодно приходит к своему другу в день его рождения с бутылкой Редерера в кармане шубы, как проводит с ним день в Круассе, где, по его выражению, они «упивались» литературой.

Мне незнаком бюст, находящийся у Шарпантье, работы скульптора—русского еврея [Л. Бернштама].

Вы спрашиваете, найдется ли в Руане переписчик, который мог бы наводить для вас справки и делать копии. Дня через три-четыре у меня будет возможность дать вам соответствующее указание. В остальном вы можете вполне располагать мною, если вам нужны будут те или иные сведения.

Примите, милостивый государь, уверение в самых лучших чувствах.

Ш.-Ф. Лапьер

22, Rue Nationale

2

Перевод:

Руан, 27 мая 1891 г.

Милостивый государь,

Прошу у вас прощения за запоздалый ответ на ваше последнее письмо, но я был болен. Я нашел вам переписчика, который должен был непосредственно снести с вами. Я его больше не видел. Писал ли он вам?

Теперь я по пунктам отвечаю вам на вопросы:

1. Флобер не изучал медицины, равно как и права, в чем могу вас уверить. Путешествовать он начал в ранней юности.

2. Секретарь, о котором вы говорите, мог быть лишь случайным, так как я никогда не видал его, несмотря на интимные и постоянные сношения с Флобером; я, конечно, читал письмо, опубликованное им в одной газете в период открытия памятника. Там имеется несколько точных деталей, но другие меня поразили; я лишь наполовину верил бы полученным от него [Гашо] сведениям.

Я не знаю никакой истории с пальто и никогда не видел пресловутой черной доски.

3. Племянник, о котором я вам говорил, действительно Комманвиль, муж племянницы Флобера, которую он воспитывал и учителем которой был Луи Буйе. Комманвиль торговал лесом на севере и, запутавшись в спекуляциях, вынужден был просить поручительства Флобера, потерявшего во время краха свое маленькое состояние.

4. Сознаюсь, только под влиянием клики Додэ я заметил в своем письме, что Флобер должен быть счастлив, так дешево отделавшись. Имперский прокурор, нормандец Кордоэн, действовал в его пользу, несмотря на старания прокуратуры.

Флобер не простил обвинявшему его товарищу прокурора, Пинару, банкиру, ставшему впоследствии министром, как и Пекюше, который вменял его в дело против Комманвиля.

Что касается Бувар, то он был тенором, а затем театральным режиссером; имя его поразило Флобера.

Готовый дать все необходимые вам сведения, прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

Ш.-Ф. Лапьер